

Савченко Д.А.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIV–XV ВЕКОВ

Аннотация: В работе исследуются правовые аспекты обеспечения внешней безопасности средневековых городов-государств Северо-Западной Руси, которые в силу своего пограничного положения неоднократно подвергались иноземной агрессии. Отмечено, что в системе инструментов обеспечения внешней безопасности важное место занимали соответствующие правовые средства. Об этом свидетельствуют положения Псковской Судной грамоты — важнейшего законодательного акта отечественного права XIV–XV веков. В статье исследуются закрепленные в Псковской Судной грамоте нормы об ответственности за оказание помощи врагу (перевет), а также об особых «грамотах», которые выдавались жителям при их выезде за границу. В работе анализируется текст Псковской Судной грамоты. Дается сопоставительная характеристика норм древнерусского, римского и византийского права. Положения Псковской судной грамоты рассматриваются во взаимосвязи с предписаниями Кормчей книги и Книг законных. Анализируются летописные сообщения, в которых упоминается о наказании переветников. Сделан вывод о том, что правовыми средствами обеспечения внешней безопасности Северо-Западной Руси XIV–XV веков были меры личной и имущественной ответственности за оказание помощи врагу (перевет), а также режимные меры, определявшие порядок выезда за рубеж. Смертная казнь переветников предусматривалась адаптированными к условиям Древней Руси «законами греческих царей». Эти же законы разрешали безнаказанно убивать переветников при пресечении их побега к неприятелю. Псковская Судная грамота определяла имущественные последствия перевета — она требовала конфискации имущества переветника в пользу городской общины. В целях предупреждения перевета выезжающие за рубеж жители должны были сообщать о своей поездке властям и получать соответствующий документ (грамоту).

Ключевые слова: внешняя безопасность, правовые средства, юридическая ответственность, правовой режим, перевет, *Perduellio*, смертная казнь, конфискация имущества, разрешение на выезд, Псковская судная грамота.

1. Для государств Северо-Западной Руси XIV–XV веков, прежде всего, для Новгорода и Пскова, одной из наиболее актуальных и сложных задач была задача обеспечения внешней безопасности.

Указанное обстоятельство, как неоднократно отмечали исследователи, во многом проистекало из особого, пограничного положения этих богатых городов-государств. Так, И. Д. Мартысевич писал: «Эти республики граничили с Литвой и владениями немецкого Тевтонского ордена. Вся история Новгорода и Пскова характеризуется систематическим нападением немецких «псов-рыцарей» и литовских феодалов»¹. Ю. Г. Алексеев развивает это положение применительно к Пскову: «Вопросы обороны от внешнего врага выдвигаются в пограничном городе — северо-западном форпосте Русской земли — на одно из самых первых

мест. Войны с Орденом и Литвой наполняют всю историю господина Пскова... Зачастую Псковская земля вынуждена сражаться с западными агрессорами только своими силами в условиях феодальной раздробленности Руси... В этом существенное отличие псковского общества от общества Древней Руси, не знавшего такой постоянной и упорной борьбы со столь опасными противниками...»².

Основным гарантом внешней безопасности Новгорода и Пскова была их военная организация. Именно войско этих городов обеспечивало вооруженную защиту их интересов. Для обеспечения внешней безопасности была создана также система укреплений и оборонительных сооружений. Кроме того, на защиту интересов безопасности Новгорода и Пскова были направлены и дипломатические усилия этих государств.

¹ Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С.96.

² Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С.45.

В системе инструментов обеспечения внешней безопасности Северо-Западной Руси важное место занимали соответствующие правовые средства. Об этом свидетельствуют положения Псковской Судной грамоты — важнейшего законодательного акта отечественного права XIV-XV веков. Анализ ее содержания показывает, что в качестве правовых средств обеспечения внешней безопасности в Северо-Западной Руси применялись, во-первых, меры ответственности за государственные преступления и, во-вторых, режимные меры, связанные с возложением на население определенных дополнительных обязанностей.

2. Одной из первых норм, посвященных государственным преступлениям, которые были закреплены в русских письменных законодательных актах, является положение Псковской Судной грамоты об ответственности за перевет.

Уже в начальных статьях грамоты было записано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати»³. В то же время, содержание деяний упомянутых преступников грамота не раскрывала. Это значит, что суть соответствующих преступлений, в том числе перевета, была понятна жителям Северо-Западной Руси.

В древнерусском языке слово «перевет» означало, прежде всего, «тайную передачу известий», а словосочетание «перевет держати, имети к кому-либо» — «быть в тайных сношениях с кем либо»⁴. При этом социальная и правовая оценка перевета зависела от того с кем или на кого «держал перевет» тот или иной человек. Перевет «на своих» или перевет «с недругом» всегда заслуживали осуждения.

Поэтому переветник Псковской Судной грамоты — это, прежде всего, «тот, кто тайно сносится с противником»⁵, вступив с ним в заговор. Переветник — тайный союзник, советник врага, который оказывает ему информационную и иную помощь — передает неприятелю «тайные вести»⁶.

³ Всего в тексте Псковской судной грамоте принято выделить 120 статей. Анализируемая статья обычно публикуется под номером 7. — См.: Памятники русского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. С. 21.

⁴ Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. Т. 6. М., 1988. С. 367. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 14. М., 1989. С.218.

⁵ См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. С.218.

⁶ Червонецкий Д. А. Государственные преступления по русскому праву. Юрьев, 1913.. С. 3.

Тот факт, что первым видом государственных преступлений, отмеченным русским законодательством, стал перевет, не является для истории права уникальным. Подобное преступление, очевидно, имело значительное распространение «в военном быту древних государств»⁷. Правовые нормы о наказании за помощь врагу как средство обеспечения внешней безопасности возникали уже на достаточно ранних этапах формирования государственности.

Схожая ситуация наблюдалась, в частности, в Древнем Риме. Первыми государственными преступлениями здесь были преступления «*perduellio*» («дурная, плохая война»). Слово «*perduellis*» (от *per* — очень и *duellis* — враг) служило для обозначения как врага, так и того гражданина, который действовал вместе с врагом.

Perduellio понималось как враждебное стране деяние, «война против римского народа». Это понятие означало действия гражданина против своего отечества, выражавшиеся или в агитации против государственного устройства или в союзе с внешним врагом: измена отечеству, *proditio* (сообщение, выдача, разглашение, предательство), дезертирство и т.п. Осужденного подвергали бичеванию, окутав голову, и затем вешали на *arbor infelix* (на виселице)⁸.

Наряду с повешением, за «*perduellio*» наказывали свержением с тарпейской скалы и отсечением головы. В последующем эти наказания были заменены на *aquae et ignis interdictio* («запрет воды и огня», «лишение воды и огня навсегда», то есть изгнание)⁹. Такая мера предусматривалась, в частности, законом Юлия Цезаря о величии 46 г. до н.э. В последующем ей на смену пришла смертная казнь с конфискацией имущества в казну, которая была установлена конституцией Аркадия и Гонория 397 г.¹⁰

3. Юридическая ответственность за перевет как средство защиты внешней безопасности носила сложный характер. Она включала как меры личного, так и меры имущественного характера.

Летописи свидетельствуют о том, что на Руси за перевет, как и в Древнем Риме в случаях «*perduellio*», к преступникам по решению веча или князя применялось причинение смерти через

⁷ Червонецкий Д. А. Указ. соч. С. 3.

⁸ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2007. CD-ROM.

⁹ Любкер Ф. Указ. соч.

¹⁰ См.: Щеголев А. В. Закон Юлия об оскорблении величия в кодексе Юстиниана // Древнее право. 1999. № 1. С.111.

повешение или сбрасывание с моста в реку (после предварительных побоев)¹¹.

И предписание Псковской Судной грамоты «переветнику живота не дати» в современной литературе обычно трактуется как «казнить смертной казнью». Однако такое толкование требует уточнения.

Известно, что в древнерусских актах слово «живот», как правило, употреблялось в значении «имущество»¹². При этом в большинстве случаев речь шла об имущественных отношениях в семье применительно к наследственному праву.

Так, в Уставе князя Владимира среди «церковных судов», т.е. дел, отнесенных к церковной юрисдикции, были названы «промежи мужем и женою о животе», что обычно трактуется как споры между супругами об имуществе¹³. В Новгородском Уставе князя Всеволода к этим делам добавлен «суд о бездетном животе», то есть о наследстве человека, не имеющего детей — прямых наследников. В дополнительных статьях этого Устава речь шла о «прелюбодейной части в животе», то есть о части наследства, выделяемой незаконной жене и ее детям.

В самой Псковской Судной грамоте в семи статьях речь велась о «животе» как о переходящем по наследству имуществу. В ст. 14 говорилось о поиске среди наследуемого имущества («живота») тех вещей, которые ранее были переданы умершему на хранение другими лицами, а также о переходе долговых обязательств умершего на наследников. В статьях 84, 87 идет речь о судьбе имущества «изорника» («живот изорнич»), то есть человека, работавшего на земле «государя» (хозяина) и имевшего перед последним долги. Статьи 88 и 89 регулировали порядок наследования между супругами их «отчины» (полученного от собственных родителей) и «живота» (нажитого имущества). Статья 100 говорила об имуществе, которое должно передаваться по наследству, однако по воле человека «пред смертию» было передано племяннику.

Как видим, в проанализированных актах «живот» — это нажитое при жизни человека имущество,

которое является предметом наследственных отношений. После смерти собственника его судьба решается церковными и светскими властями, которые могут определить, кому передавать это имущество («живота дати»).

Изложенное позволяет предположить, что правило «переветнику живота не дати» означает не только и не столько смертную казнь.

Как представляется, принципиальная возможность назначения смертной казни в Древней Руси проистекала из иных источников. Ведь с точки зрения христианской доктрины правомерное причинение человеку смерти должно было иметь религиозное обоснование. Эта мера устанавливалась только царем. Только царь мог дать Закон (в его христианском понимании), тем более закон о смертной казни. Составители Псковской Судной грамоты не могли присвоить себе право ввести норму о причинении смерти в качестве наказания.

В древнерусский период сама возможность смертной казни, как представляется, определялась «законами греческих царей», которые были включены в Кормчие книги — сборники предписаний религиозного и светского характера, обязательность которых была установлена христианской церковью и признавалась светскими властями.

Кормчие книги содержали, в частности, славянские переводы уголовно-правовых норм Прохирона — законодательного акта византийского императора Василия Македонянина (870–878 гг.). В Кормчих книгах он получил название «Градского закона».

Перевет как преступление по своей сути и содержанию соответствовал деяниям, предусмотренным главой 17 грани 39 Градского закона: «Иже к ратным своею волею от нас приходяще и наши советы возвещающе им, на виселицах повешаются или сожигаемы бывают»¹⁴.

Соответствующее предписание нашло отражение и в древнерусском законодательном сборнике «Книги законные, ими же годится всякое дело исправляти всем православным князем», созданном на основе положений византийского права. По мнению. А. С.

¹¹ Оспенников Ю. В. Перевет и поджог в древнерусском праве // Право и политика. 2008. № 6. С. 1519–1520.

¹² Это отражено, в частности, в предметно-терминологическом указателе к книге «Законодательство Древней Руси» из многотомника «Российское законодательство X–XX веков». См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С.405.

¹³ Там же. С.140, 145, 149.

¹⁴ Бенеманский М. О Прохейросе по указу императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906. С. 391. Повешение как устрашающее потенциальных преступников наказание установлено было Градским законом также для «нарочитых» разбойников (гл. 16). Сожжение было предусмотрено за поджог дома (гл. 18), за убийство родственников (гл. 35) и за покушение раба на своего господина (гл. 37).

Павлова «Книги Законные» были переведены на древнерусский язык в конце XII или в начале XIII в. и служили руководством русским князьям для отправления правосудия¹⁵. М. Бенеманский считал «Книги Законные» славянской компиляцией, приспособленной к древнерусскому праву XII-XIII вв.¹⁶

В разделе этого сборника, озаглавленном «Закон о казнях», правило о наказании за оказание помощи врагу, закреплялось в следующей редакции: «16. Иже к ратнымъ отбегающеи и наши думы сказывающе, на виселици повешени будутъ или огнемъ съжени»¹⁷.

Слово «ратный» здесь обозначало врага, то есть неприятеля, противника, находящегося в состоянии войны. Именно в этом значении слово «ратный» широко использовалось в древнерусском языке¹⁸.

Как видим, в условиях средневековья разглашение секретов неприятелю еще не мыслилось без физического перемещения к нему. Причем Закон считал необходимым обратить внимание на добровольность действий преступника («своею волею»), вероятно, чтобы отграничить их от случаев насильственного пленения.

Эта мысль была отражена и еще в одной самостоятельной норме «Закона о казнях», которая посвящалась наказанию воинов, перешедших на сторону неприятеля (врага): «18. Ратници и иже к ратнымъ сами приходяще, мечемъ усечени будутъ».

Иной характер наказания, по сравнению с тем, что предусматривался предыдущей нормой; был связан, надо полагать, с несколько отличающейся оценкой самого злодеяния. Простой переход на сторону врага, не отягощенный передачей секретов, не требовал особо мучительного (сожжение) или устрашающего (повешение) наказания.

Таким образом, известные на Руси нормы византийского права («законы греческих царей») давали достаточно оснований для применения смертной казни к переветникам.

В то же время, при назначении смертной казни оставался открытым вопрос о судьбе имущества преступника. Этот вопрос вставал и в тех случаях, когда смертная казнь по тем или иным причинам (например, под влиянием «печалования» церковных иерархов) не применялась. От судьбы имущества

преступника зависела и его способность выкупить свою жизнь. Ведь возможность откупиться от смертной казни, как и предшествовавшая ей возможность откупиться от кровной мести, с давних времен допущалась правовыми обычаями¹⁹.

Поэтому можно предположить, что предписание Псковской Судной грамоты «живота не дати» означает не смертную казнь, а лишение преступника «нажитого им достояния», а значит и лишение его возможности откупиться от смерти, а также запрет передавать по наследству имущество этого преступника, прежде всего, имущество движимое, нажитое им при жизни.

Псковская Судная грамота представляла собой «местное дополнение и частичное изменение»²⁰ системы действовавших тогда правовых норм. При этом основной целью составителей Псковской Судной грамоты была регламентация полномочий действовавших в Пскове судов, упорядочение соответствующих процессуальных и имущественных отношений.

По своей конструкции правило «живота не дати» представляло собой запрещающую норму. Она предписывала судьям, к которым преступник мог бы обратиться с просьбой «дать живот», отказать в такой просьбе. Подобные запреты были известны праву других народов как неотъемлемый элемент «изгнания из общины». Так, у южных славян осужденному на «поток» запрещалось давать «исти, или питии, или инуку помоть»²¹.

Сама возможность решать вопрос о том, «давать или не давать живот», вероятно, обуславливалась существовавшим в Пскове обычаем «хранить запас зерна и движимого имущества вне двора в городе или на посаде, а именно в клетки на крому... Эти запасы служили спасением на случай голода и разорения и охранялись. Вероятно, кромские клетки запирались... Под защитой крепостных укреплений и Святой Троицы сбережение было надежнее»²². После смер-

¹⁹ Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988. С. 113–114.

²⁰ Памятники русского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. С.С. 19, 246.

²¹ Древнее Хорватско-Далматское законодательство. Б. м.: Изд-во Ф. Леонтовича, 1868. С. 31.

²² И. К. Лабутина относит возникновение этого обычая к периоду не позднее XIII в., «когда детинец был единственным надежным укреплением в Пскове и произошло вынесение жилой застройки за его пределы». — См.: Лабутина И. К. Историко-топографический комментарий к псковской судной грамоте // Псковская судная грамота и российская правовая

¹⁵ См.: Византийский земельный закон. Л., 1984. С.191–194.

¹⁶ Бенеманский М. Закон Градский. М., 1917. С.36–93.

¹⁷ См.: Византийский земельный закон. С.248.

¹⁸ См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С.115.

ти собственника судьба этого имущества решалась властями. Есть основания полагать, что весь «живот» переветника обращался в пользу общины и распределялся между горожанами.

Как известно, дошедший до нас текст Псковской Судной грамоты обычно датируют 1462 г. В то же время, первая редакция Псковской Судной грамоты может быть отнесена к 1397 г.²³ Но и сама она, как следует из текста преамбулы ПСГ, представляет собой выписки из иных, более древних источников, в том числе «псковских пошлин» и княжеских грамот. Как отмечал Ю. Г. Алексеев, «наиболее древним законодательным памятником Господина Пскова была грамота в. кн. Александра Невского»²⁴. Именно она (или они), вероятно, и упоминается в преамбуле Псковской Судной грамоты²⁵.

Как верно подметил Ю. В. Оспенников, перевет был известен обычному праву Северо-Западной Руси задолго до упоминания о нем в Псковской Судной грамоте²⁶. Обычаи, определявшие последствия перевета как наказуемого общиной деяния, на протяжении веков формировались и поддерживались псковским вечем.

В то же время история Пскова знает и ряд важных княжеских решений, касающихся наказания переветников. Среди них были и решения великого князя Александра Невского.

Речь идет о событиях начала 40-х годов XIII в., когда представители так называемой пронемецкой

боярской партии, существовавшей в Пскове с 20-х годов XIII в., во главе с посадником Твердилой Иванковичем сдали в 1240 г. Псков крестоносцам. По этому поводу летописец сообщал: «И тако быша без мира: бяху бо перевет держаче с Немци пльсковичи, и подвели их Твердило Иванкович с инеми, и сам поча владети Пльсковом с Немци»²⁷. В следующем году также с помощью местных жителей немцами был занят город Копорья, после чего непосредственная угроза захвата нависла над Новгородом.

По сообщению летописи в результате решительных действий князя Александра крестоносцы были изгнаны из Копорья (1241 г.) и из Пскова (1242 г.), а переветники были казнены: «Поиде князь Олександр на немцы на город Копорью... и взя город, а Немцы приведе в Новгород, а инех пусти по своей воли, а Вожан и Чюдцю переветники извеша»²⁸.

Составители Книги Степенной полагали, что казнь переветников была осуществлена на основе судебного решения князя Александра: «Немецъ изби... Переветников же Вожан и Чюдцы обвесити осуди»²⁹.

Это княжеское судебное решение, безусловно, стало важным прецедентом, оставившим глубокий след в правосознании псковского общества. Можно предположить, что под влиянием имевших место в 40-х годах XIII в. событий Александр Невский в одной из своих грамот затронул и вопрос об ответственности переветников.

То обстоятельство, что соответствующее положение сохранило свою силу до конца XV в. и было включено в дошедшую до нас редакцию Псковской Судной грамоты, означает, что ответственность за перевет применялась в качестве правового средства обеспечения внешней безопасности на протяжении всей истории Пскова.

4. В системе правовых средств обеспечения внешней безопасности Северо-Западной Руси наряду с мерами юридической ответственности выделялись также предупредительные меры режимного характера.

Содержание Псковской Судной грамоты позволяет предположить существование здесь особого пограничного режима и специальных правил выезда за границу. Эти правила сами по себе в документе

традиция. Труды межрегиональной научной конференции, посвященной 600-летию юбилею Псковской судной грамоты. Псков, 1997. С.22.

²³ См.: Алексеев Ю.Г. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты // Вспомогательные исторические дисциплины. XI. Л., 1979. С.49–57.

²⁴ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С.11.

²⁵ Вопрос о личности того великого князя Александра, которому приписывается грамота, упоминаемая в качестве источника Псковской Судной грамоты, является спорным. Н.Н.Мурзакевич, М.К.Рожков, И.Д.Мартысевич, А.А.Зимин считали, что это тверской князь Александр Михайлович, который княжил в Пскове в 1327–1330 и 1332–1337 г.г. Н.В.Калачов (который считал, что титул великого мог быть присвоен только Александру Невскому), а также И.Е.Энгельман, М.Ф.Владимирский-Буданов, В.И.Сергеевич, Б.Б.Кафенгауз, Л.В.Черепнин, Ю.Г.Алексеев полагают, что речь идет об Александре Невском. — См.: Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1994. С.329, 344.

²⁶ Оспенников Ю.В. Указ. соч. С. 1520.

²⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950. С. 76.

²⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950. С. 78.

²⁹ Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // Полное собрание русских летописей. Том 21. 1-я половина. СПб, 1908. С. 285.

не описаны, однако здесь освещены имущественные аспекты их реализации, посвященные взаимному соответствующим пошлин.

Статья 83 Псковской Судной грамоты гласила: «А которому псковитину имать грамота у князя и у по(садника) о своем деле за рубеж, и от той грамоте князю писцу взята денга, а печатная денга»³⁰.

Указанное положение отражало установленную для жителей Пскова обязанность оформлять при выезде «по делам за рубеж» специальную выездную грамоту, выдаваемую князем и посадником. В ней должна была указываться цель выезда. Приезжающие из-за рубежа, вероятно, также должны были иметь подобные грамоты.

Кроме того, в соответствии с каноническими нормами православной церкви приезжающие христиане должны были иметь грамоту, подтверждающую их религиозную принадлежность. Это вытекало из восьмого правила поместного Антиохийского собора: «Никого из странных не приимати без мирных грамот»³¹. С учетом серьезных различий, имевших место в правовом положении иноверцев по сравнению с христианами, такие грамоты имели важное значение.

Как следовало еще из Устава князя Ярослава Пространной редакции (вторая половина XII — первая половина XIII вв.), в отношении иноверцев на Руси был практически установлен режим «раздельного проживания». Так, ст. 49 указанного Устава содержала запрещение совместной еды с иноверцами: «С некрещеным, ни иноязычником, или от нашего языка будет с некрещеным, ведая ясть и пить, митрополиту в вине». Это запрещение продолжало ряд установлений против браков и сожительства с иноверцами. Оправданием для нарушителя могло быть лишь незнание того, что его сотрапезник исповедует другую веру. «Запрет тесных связей с представителями иных вероисповеданий был характерен для многих религий. В условиях средневековья он способствовал тому, что религиозная общность была в частности на Руси, составной частью этнической общности»³².

Кроме того, уже в XII-XIII вв. было запрещено тесное общение не только с иноверцами, но и с людь-

ми, за различные прегрешения отлученными от церкви. Об этом свидетельствует ст. 50 Устава Ярослава Пространной редакции: «Аще кто с отлученым ясть и пить, да будет сам отлучен».

Можно предположить, что после католической агрессии на северо-западные русские земли подобные ограничения распространялись и на христиан-католиков.

Ю. Г. Алексеев отмечал, что объектом регулирования Псковской Судной грамоты являлись отношения, участниками которых были «свободные мужы-псковитины, формально равноправные члены городской общины». «Грамота имеет дело преимущественно с... мелкими и средними собственниками города и деревни», — пишет он³³. Вероятно, в целях предупреждения их тайных контактов с иноземцами и устанавливались соответствующие режимные требования.

Невыполнение установленных правил, в частности, выезд жителя Пскова за рубеж без соответствующей грамоты «о своем деле», вероятно, рассматривался как преступление — он вполне мог приравниваться к перевету.

Кроме того, выезжающий за рубеж без грамоты житель Пскова ставил себя под угрозу применения нормы о разрешенном убийстве перебежчика.

Это правило нашло отражение в гл. 4 грани 39 Градского закона: «иже от своих вой к ратным бегающая, яко ратныя летъ есть безбедно убивати».

В «Законе о казнях» из сборника «Книги законные» соответствующее положение звучало более широко: «3. Иже от христиан отбегающих к спротивным, яко спротивныя достоит, без беды убивати»³⁴.

Как видим, в «Книгах законных» к врагу приравнивался не только дезертир («вой», воин), но и любой «отбегающий к супротивным». Кроме того, здесь была дана не военная («от своих вой к ратным»), а религиозно-политическая характеристика «своих»: «от христиан отбегающих к спротивным».

Закон подчеркивал, что убийство перебежчика не влечет наказания, не свидетельствует о злодеянии («безбедно»). Это правило выступало в качестве своеобразной меры пресечения перехода на сторону врага, санкционировало причинение любого вреда (вплоть до смерти) преступнику при его задержании.

Кроме того, рассматриваемая норма свидетельствовала об устоявшихся, исходящих из обычаев

³⁰ Памятники российского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. С. 52.

³¹ См.: Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. Б.м., 1992. С.155.

³² См.: Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С.206.

³³ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. С.66, 68.

³⁴ См.: Византийский земельный закон. С.247.

Правовое обеспечение национальной безопасности

войны, правил поведения в отношении врагов («ратных»). Отношение к ним специально не регламентировалось законом. Оно исходило из общей посылки о том, что враг достоин смерти («яко супротивная достоинь», «яко ратныя леть»). Она, надо полагать, распространялась и на врагов, выполнявших шпионские или диверсионные задания.

Представление об особой вероятности перевета со стороны жителей приграничных мест нашло отражение в летописных сообщениях.

Так, Псковская летопись описывает случай оказания помощи врагу, имевший место в 1469 г.: «...пришедшее Немцы ратью на миру на Псковскую землю, на Сине на озеро, и побиша Пскович... и хоромы пожгли; а переветники Немець и Чудь на Псковичь подвели, а перевет учинил над ними Иванко Подкурской да другой Иванко Торгоша».

В летописи подчеркивается тайный и вероломный характер действий переветников: «А тогда на них не было ведома никакого, еще он той Иванко Торгоша и весть ко Пскову пригонив сказал, и Псков его и рублями жаловал, а того не ведая». После выявления преступления виновные были казнены: «...а потом с полтора году полно ушло, и Псков доведася Иванка Покурского на бревне замучили, а другого Иванка Торгошу за лытки тогда же в осень на леду повесили».

После описания казни преступников летописец посчитал необходимым обратить особое внимание на то обстоятельство, что тайным контактам с врагом способствовало проживание переветников недалеко от границы: «...а они тамже жили оба недалече от Синя озера на Псковской земле, а тамо за рубеж таки держали перевет к Немцом о порубежных делех»³⁵. Подобные прецеденты, вероятно, подтверждали необходимость сохранения особых правил, регламентировавших контакты с иноземцами.

Таким образом, летописи и законодательные источники показывают, что правовыми средствами обеспечения внешней безопасности Северо-Западной Руси XIV-XV веков были меры ответственности за оказание помощи врагу (перевет), а также режимные меры, определявшие порядок выезда за рубеж. Расправа с переветниками (повешение и сбрасывание с моста) регламентировалась правовыми обычаями, а также адаптированными к условиям Древней Руси «законами греческих царей». Псковская Судная грамота определяла имущественные последствия перевета — она требовала конфискации имущества переветника в пользу городской общины. В целях предупреждения перевета выезжающие за рубеж жители должны были сообщать о своей поездке властям и получать соответствующий документ (грамоту).

Библиография

1. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. — 243 с.
2. Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты // Вспомогательные исторические дисциплины. XI. Л., 1979. — С.48–68.
3. Бенеманский М. О Прохеирос потос императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906. — 563 с.
4. Бенеманский М. Закон Градский. Значение его в русском праве. М., 1917. — 481 с.
5. Византийский земледельческий закон. Л., 1984. — 280 с.
6. Древнее Хорвато-Далматское законодательство. Одесса, 1868. — 170 с.
7. Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. Репринтное воспроизведение издания 1893 года. Б. м.: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. — 408с.
8. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // Полное собрание русских летописей. Том 21. 1-я половина. СПб, 1908. — 342 с.
9. Лабутина И. К. Историко-топографический комментарий к псковской судной грамоте // Псковская судная грамота и российская правовая традиция. Труды межрегиональной научной конференции, посвященной 600-летию юбилею Псковской судной грамоты. Псков, 1997. — С. 21–26.

³⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 4. IV, V. Новгородские и псковские летописи. Псковские летописи. I. Псковская первая летопись. СПб.: изд. в типографии Эдуарда Праца, 1848. С. 233.

10. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2007. CD-ROM.
11. Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. — 208 с.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. — 659 с.
13. Оспенников Ю. В. Перевет и поджог в древнерусском праве // Право и политика. 2008. № 6. — С. 1517–1520.
14. Памятники русского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси. М., 2013. — 408 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 4. IV, V. Новгородские и псковские летописи. Псковские летописи. I. Псковская первая летопись. СПб.: изд. в типографии Эдуарда Праца, 1848. — 360 с.
16. Псковские летописи. Вып. 1. М., 1941. — 148 с.
17. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. — 432 с.
18. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 6. (овадь — покласти). М., 2002 — 602 с.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. (Отрава — Персоня). М., 1988. — 311 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. (Раскидаться — Рященко) М., 1997. — 298 с.
21. Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988. — 136 с.
22. Червонецкий Д. А. Государственные преступления по русскому праву. Юрьев, 1913. — 80 с.
23. Щеголев А. В. Закон Юлиа об оскорблении величия в кодексе Юстиниана // Древнее право. 1999. № 1. — С.108–115.
24. Д. М. Володихин. Две истории. // Исторический журнал: научные исследования. — 2013. — № 2. — С. 232–235. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.02.13.
25. С. В. Леонов. К вопросу о влиянии Византии на русскую историю. // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. — № 6. — С. 67–76.
26. Д. А. Боровков. «Се же поручаю в себе мѣсто столь старѣшему сыну моему и брату вашему...»: традиция и новации в «ряде» Ярослава Мудрого. // Исторический журнал: научные исследования. — 2012. — № 6. — С. 58–66.
27. А. А. Горский. Повесть временных лет о руси Рюрика. // Исторический журнал: научные исследования. — 2011. — № 6. — С. 17–23.
28. В. Е. Рубаник. О некоторых дискуссионных вопросах в истории древнерусского суда. // Право и политика. — 2011. — № 6.
29. Н. Н. Ступникова. Осуществление судебной функции древнерусского государства. // Право и политика. — 2011. — № 2.
30. Георгиевский Э.В.. Безопасность общества и государства как объекты уголовно-правовой охраны в Древней Руси. // Национальная безопасность / nota bene. — 2013. — № 4. — С. 585–596. DOI: 0.7256/2073–8560.2013.4.8961.

References

1. Alekseev Yu. G. Pskovskaya sudnaya gramota i ee vremya. L., 1980. — 243 s.
2. Alekseev Yu. G. Voprosy istorii teksta Pskovskoi Sudnoi gramoty // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. XI. L., 1979. — S.48–68.
3. Benemanskii M. O Proxeipoc nomoc imperatora Vasiliya Makedonyanina. Ego proiskhozhdenie, kharakteristika i znachenie v tserkovnom prave. Vyp. 1. Sergiev Posad, 1906. — 563 s.
4. Benemanskii M. Zakon Gradskii. Znachenie ego v russkom prave. M., 1917. — 481 s.
5. Vizantiiskii zemledel'cheskii zakon. L., 1984. — 280 s.
6. Drevnee Khorvato-Dalmatskoe zakonodatel'stvo. Odessa, 1868. — 170 s.
7. Kniga pravil svyatykh apostol, svyatykh soborov vselenskikh i pomestnykh i svyatykh otets. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1893 goda. B. m.: Izd. Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 1992. — 408s.
8. Kniga Stepnaya tsarskogo rodosloviya. Ch. 1 // Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 21. 1–ya polovina. SPb, 1908. — 342 s.
9. Labutina I. K. Istoriko-topograficheskii kommentarii k pskovskoi sudnoi gramote // Pskovskaya sudnaya gramota i rossiiskaya pravovaya tra-ditsiya. Trudy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 600–letnemu yubileyu Pskovskoi sudnoi gramoty. Pskov, 1997. — S. 21–26.

10. Lyubker F. Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei. M., 2007. CD-ROM.
11. Martysevich I. D. Pskovskaya sudnaya gramota. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie. M., 1951. — 208 s.
12. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. M.–L., 1950. — 659 s.
13. Ospennikov Yu. V. Perevet i podzhog v drevnerusskom prave // Pravo i politika. 2008. № 6. — S. 1517–1520.
14. Pamyatniki rossiiskogo prava. V 35 t. T. II. Pamyatniki prava udel'noi Rusi. M., 2013. — 408 c.
15. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 4. IV, V. Novgorodskie i pskovskie letopisi. Pskovskie letopisi. I. Pskovskaya pervaya letopis'. SPb.: izd. v tipografii Eduarda Pratsa, 1848. — 360 s.
16. Pskovskie letopisi. Vyp. 1. M., 1941. — 148 s.
17. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. V 9 t. T. 1. Zakonoda-tel'stvo Drevnei Rusi. M., 1984. — 432 s.
18. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–KhIV vv.): V 10 t. T. 6. (ovad' — poklasti). M., 2002 — 602 s.
19. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 14. (Otrava — Personya). M., 1988. — 311 s.
20. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 22. (Raskidatsiya — Ryashchenko) M., 1997. — 298 s.
21. Khachaturov R. L. Mirnye dogovory Rusi s Vizantiei. M., 1988. — 136 s.
22. Chervonetskii D. A. Gosudarstvennye prestupleniya po russkomu pravu. Yur'ev, 1913. — 80 c.
23. Shchegolev A. V. Zakon Yuliya ob oskorblenii velichiya v kodekse Yustiniana // Drevnee pravo. 1999. № 1. — S.108–115.
24. D. M. Volodikhin. Dve istorii. // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2013. — № 2. — С. 232–235. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.02.13.
25. S. V. Leonov. K voprosu o vliyatii Vizantii na russkuyu istoriyu. // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2012. — № 6. — С. 67–76.
26. D. A. Borovkov. «Se zhe poruchayu v sobe mŕsto stol'» starŕishemu synu moemu i bratu vashemu...»: traditsiya i novatsii v «ryade» Yaroslava Mudrogo. // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2012. — № 6. — С. 58–66.
27. A. A. Gorskii. Povest' vremennykh let o rusi Ryurika. // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. — 2011. — № 6. — С. 17–23.
28. V. E. Rubanik. O nekotorykh diskussionnykh voprosakh v istoriit drevnerusskogo suda. // Pravo i politika. — 2011. — № 6.
29. N. N. Stupnikova. Osushchestvlenie sudebnoi funktsii drevnerusskogo gosudarstva.. // Pravo i politika. — 2011. — № 2.
30. Georgievskii E.V. Bezopasnost' obshchestva i gosudarstva kak ob'ekty ugovovno-pravovoi okhrany v Drevnei Rusi. // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. — 2013. — № 4. — С. 585–596. DOI: 0.7256/2073–8560.2013.4.8961.